

Глава 3. С. ЕСЕНИН И Н. КЛЮЕВ

3.1. ТВОРЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ СВЯЗИ С. ЕСЕНИНА И Н. КЛЮЕВА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСИКИ ИХ ИДИОСТИЛЕЙ

Возвращение к наследию Николая Клюева, реанимация и признание значимости его творчества происходит постепенно. Почти полвека назад, в 1969 г. в Мюнхене выходит двухтомник его стихов под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова, где автор вступительной статьи Э. Райе высоко оценил творчество поэта, подчеркнув «единственность» Клюева «во всей русской литературе» [Захаров 1997].

Творчество Н. Клюева – это актуальная тема исследований и для современных ученых. Вклад Н. Клюева, как и других крестьянских поэтов, в развитие и обогащение поэтического языка неизмеримо больше, чем он был определен советским и постсоветским литературоведением. Творческие связи разных поэтов новокрестьянского направления были достаточно тесными, поэтому, естественно, имело местовзаимовлияние их творческих систем, в том числе и в области поэтического языка.

Сергей Есенин по праву признается одним из самых значительных и влиятельных поэтов этой группы и его многое связывало с Николаем Клюевым, поэтому представляется закономерным сравнение их идиостилей, в частности – систем поэтической лексики.

Творческая и духовная близость Сергея Есенина и Николая Клюева отмечается многими исследователями. Литературоведческая наука исследовала связь творческих систем С. Есенина и Н. Клюева [Розанов 1927, Ульман 1970, Перцов 1977, Базанов 1981, Микешин 1985, Субботин 1986, Эпштейн 1990, Савченко 1991, Киселева 1998, Доманский 2003, Кравченко 2006, Куняев 2007, Маркова 2008, Маркова 2009 и др.]. При этом выводы, к которым приходили ученые в разные периоды, были различными. Так, А.М. Микешин считал, что у С. Есенина, Н. Клюева и других новокрестьянских поэтов, несмотря на индивидуальность каждого из них, можно обнаружить «нечто родственное, позволяющее рассматривать их творчество в границах одного течения: близость мировоззрения, единство художественных исканий, ориентацию на фольклорно-кольцовские традиции» [Микешин 1985: 43]. Другие едва ли не все творчество С. Есенина склонны были рассматривать как спор с Н. Клюевым и в области эстетики, и в области идеологии [Базанов 1981: 206; Перцов 1977: 253 и др.].

Исследованию литературной и политической эпохи, оказавшей влияние на формирование взглядов новокрестьянских поэтов и на их судьбы, посвящены книги Станислава и Сергея Куняевых: «Жизнь и смерть поэта» [Куняев 1990] и «Сергей Есенин» [Куняев 2007], где представлена творческая и жизненная судьба Ганина, Есенина, Клюева. Авторы используют в работе большое количество архивных документов, проливающих свет на многие до сих пор до конца не раскрытые вопросы взаимоотношений Есенина и

Клюева. Известный исследователь творчества этих поэтов Н.М. Солнцева пишет о признании самим Есениным влияния Клюева на его творчество: «По Есенину, лиричность – основа русского мироощущения, и эту основу он сделал принципом поэзии. Лиричность он ценил и в прозе, например в «Голом годе» Б. Пильняка («О писателях -“попутчиках”», 1924). Не отождествляя лиричность с меланхоличностью, слезами («В.Я. Брюсов», 1924), он признавался, что воспринял ее от А. Блока и Н. Клюева («О себе», 1925)» [Солнцева 1997].

«Если Есенину открылось многое благодаря Клюеву («Ключи Марии» – одно из убедительных тому свидетельств), то, в свою очередь, и Клюев многое воспринимал и оценивал как бы через Есенина: неотступно думал о нем, жил его образами, болел его судьбой» [Киселёва 1997: 191]. Т.К. Савченко в монографии «Сергей Есенин и его окружение» отмечает эффект постоянного соприсутствия, о котором Есенин писал Клюеву: «... всегда во мне ты присутствуешь» [Семенова 1997: 47]. Сам Есенин так определил характер своих отношений с Клюевым: «С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распри, большая дружба» [Перцов 1977: 250].

Согласимся с Л.А. Киселевой, которая писала о необходимости реконструкции «скрытого диалога» Н. Клюева и С. Есенина для решения вопросов, связанных с их творчеством, «при условии готовности отказаться от привычных штампов российского есениноведения» [Киселёва 1997: 196]. Такая реконструкция требует проведения лингвостилистического анализа произведений С. Есенина и Н. Клюева в сопоставительном аспекте.

Задачей данного раздела является выявление специфических черт функционирования лексики идиостиля С. Есенина в сопоставлении с лексикой идиостиля Н. Клюева.

Основанием для сопоставления лексики С. Есенина и Н. Клюева служит не только совпадение времени написания произведений поэтов, но и общность проблематики их стихов. Как и у С. Есенина, противопоставления ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ и др. являются ведущими в творчестве Н. Клюева, хотя характер этих противопоставлений в творчестве каждого из поэтов различен. Эта особенность определяет сопоставимость анализируемого материала, т.к. поэтическая антиномия рассматривается выше в качестве средства систематизации поэтической лексики С. Есенина. Антиномии выделяются на образно-понятийном уровне содержательной структуры текста, являясь ведущими в той или иной группе стихотворений. Сопоставляются лексические парадигмы, формирующие антиномии ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ, ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, их состав, функции и средства взаимосвязи с целью выявления общих и отличительных черт лексических систем идиостилей.

Сопоставление лексических микросистем в идиостилях С. Есенина и Н. Клюева проводится на материале отдельных произведений, отдельных парадигм и ряда парадигм, реализующих в творчестве одного и другого поэта сходные антитезы и сходные мотивы.

3.2. ПАРАДИГМА ПРИРОДА

Рассмотрим на материале стихотворений Н. Клюева особенности функционирования в них природной парадигмы и сопоставим их с характеристиками есенинской природной парадигмы.

В ранних стихотворениях Н. Клюева в отличие от ранних стихотворений С. Есенина природная парадигма практически отсутствует. Эта черта идиостиля Н. Клюева тесно связана с концептуальным характером его стихов 1905- 1907 гг. Элементы природной парадигмы встречаются здесь в функции метафорических слов или объектов сравнения в сочетаниях, которые чаще всего носят характер поэтических штампов: *Родины звезды лучистые, доли народной певцы* / «Где вы, порывы кипучие» – 1905 г. /; *Песнь... раскатом громов над землею пролетит; свободным орлом допою я ее* / «Безответным рабом я в могилу сойду» - 1905 г. /; *вспомню... девушку-голубку; выйди, белая русалка, к лодке, дремлющей у вод* / «Прогулка» – 1907 г. / и т. п.

Приблизительно с 1908 г. лексемы природной парадигмы становятся более частотными, но выполняют не столько пейзажную функцию, сколько являются подкреплением мотива потустороннего, во многом навеянного в стихах Н. Клюева поэзией А. Блока: *зимы предчувствием объаты, рыдают сосны на бору; лишь станут сумерки синее, туман окутает реку; как ночь, загадочно темна; до рассвета суеверью ты будешь слепо предана* / «Ты все келейнее и строже» – 1908 г. /.

В этот же период в творчестве Н. Клюева природная парадигма начинает выполнять и пейзажную функцию, придавая стихотворениям черты проективности, но пейзажная функция не является здесь основной. Слова природной парадигмы, как правило, являются «сопутствующими» парадигме ПОТУСТОРОННЕЕ, чаще всего выполняя роль метафорических слов или объектов сравнения. Природа сама по себе не является у Н. Клюева в ранних стихах предметом поэтического анализа, она выступает лишь как материал для сравнения: / «Ты все келейнее и строже» /.

Выполняя пейзажную функцию, природная парадигма часто распадается на две противопоставленные части: 1) подпарадигму, связанную с реалиями земного бытия и 2) подпарадигму, связанную с потусторонними силами:

*Синеют дымно перелески,
Настороженны и немые,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.*

*Но сердце чует: есть туманы,
Движенья смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизых вечеров*

/ «Любви начало было летом» – 1908 г. /.

Усиление собственно пейзажной функции происходит в основном за счет стилизованных фольклорных конструкций, например, в стихотворении «Обидин плач» / 1908 г. /:

*Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней.
Стала озеро выспрашивать,
Стало озеро рассказывать
Тайну тихую поддонную
Про святую Русь крещеную.
От озерной прибауточки,
Водяной потайной басенки,
Понабережье насупилось,
Пеной-саваном окуталось.*

...

*Я поведаю на гульбище
Праздничанам залихваткам,
Что мне виделось в озерышке,
Во глуби на самом доньшке.
Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено.*

Функцию лексем природной парадигмы в приведенном отрывке нельзя квалифицировать как собственно пейзажную. В отличие от раннего творчества С. Есенина здесь пейзажная функция сочетается с функцией анализа состояния лирического героя.

Итак, хотя состав лексем природной парадигмы в поэзии С. Есенина и Н. Клюева оказывается сходным, с точки зрения выполняемых функций наблюдаются весьма существенные отличия, связанные с преобладанием концептуального начала в поэзии раннего Н. Клюева и проективного начала в поэзии раннего С. Есенина.

Состав лексем природной парадигмы у Н. Клюева в основном навеян фольклорными мотивами. У С. Есенина фольклорные мотивы больше переосмыслены, подвергнуты авторской обработке, и это также определяет большую проективность есенинского стиха.

Развитие идиостиля Н. Клюева связано с увеличением удельного веса проективного начала. В связи с этим природная парадигма становится более самостоятельной, хотя в большей части стихотворений связана с такими парадигмами, как ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ПОТУСТОРОННЕЕ, РОДИНА. В качестве одного из основных средств связи почти везде является связь с оценочной парадигмой, которая подкрепляет концептуальную сторону текста, уравновешивая проективное начало.

Подтвердим сказанное анализом примеров. Если в стихотворении 1908 г. «Горные звезды как росы» лексемы природной парадигмы *горные звезды, росы, луг, месяцы*, на первый взгляд, призваны выполнять пейзажную функцию и в первых двух строфах функционируют относительно изолированно от других парадигм, их состав достаточно абстрактный и не вызывает в сознании читателя конкретных «предметных» образов. Основная функция природной парадигмы здесь – подкрепление потустороннего начала, не случайно природная парадигма связана с парадигмой ПОТУСТОРОННЕЕ: *пламенный вестник, золотые хитоны* и т.д. В других произведениях этого периода можно отметить связь природной парадигмы с парадигмой ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ-ПОЭТ / «Поэт» – 1908 г./ В более поздних стихах Н. Клюева природная парадигма становится более самостоятельной. Так, в стихотворении «Костра степного извивы» – 1910 г. Природная парадигма, будучи связанной с парадигмами РОДИНА и ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, доминирует над ними, определяя черты проективности содержания произведения: *костер, степной, бурьяны, даль, нивы, туман ночного луга, степная саранча*. Отбор лексем данной парадигмы продиктован не только и не столько отмеченной выше проективностью, сколько обусловлен отрицательнооценочной парадигмой: природа и лирический герой противопоставлены: голос лирического героя не может разбудить Россию. Противопоставление парадигм ПРИРОДА и ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ не является в целом характерным для творчества Н. Клюева, рассматриваемое стихотворение можно отнести к числу исключений.

Гораздо более самостоятельна природная парадигма в стихотворении 1912 г. «Тучи, как кони в ночном». Произведение носит преимущественно проективный характер. Природная парадигма выполняет несколько функций: 1) пейзажную: *тучи, месяцы, ковыль, леса, заря, сосны, мгла, ивняк, кочки*; 2) функцию объекта сравнения, пересекаясь при этом как с другой частью природной парадигмы (*тучи, как кони в ночном*), так и с парадигмой ЧЕЛОВЕК: *по сердцу ль парню в кудрях никнуть плакучею ракетой*; 3) функцию метафорической перифразы (*берег кувшинке несносен*). Первая функция, играющая основную роль в создании проективного фона, является превалирующей. Функция объекта сравнения отличается от соответствующей функции в есенинском идиостиле, во-первых, изолированностью, во-вторых, связью с субъектом сравнения. Изолированность лексем природной парадигмы в функции объекта сравнения проявляется в отсутствии ряда парадигматических связей с другими соответствующими лексемами, характерных для лирики С. Есенина. Например, *как птицы, свищут версты из-под копыт коня* (Есенин) – связь между объектом и субъектом сравнения – и в звуковых, и в зрительных ассоциациях, и в представлении о скорости движения. У Клюева *тучи, как кони в ночном* вызывают лишь зрительные ассоциации. Иными словами, основания для сравнения у Клюева чаще всего связаны с фольклором, мотивированы им, для лирики Есенина более характерна внутритекстовая мотивировка, причем чаще всего многоплановая.

Еще одно отличие заключается в относительной изолированности человеческого и природного мира в поэзии Н. Клюева. Для стихотворений С. Есенина характерен постепенный переход от раздельного функционирования природы и человека в начале стихотворения к пересечению этих миров и их слиянию в заключительных строках.

Чаще всего в рассматриваемый период творчества Н. Клюева природная парадигма выступает в единстве с парадигмой ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ. Обе эти парадигмы, как в стихотворении «Я молился бы лику заката» (1912), связаны с положительнооценочной парадигмой. К этому единству парадигм подключена и парадигма БЫТ ДЕРЕВНИ: *пряжа, прясла, избушка, треснувший свод*. Интересно, что в конце стихотворения парадигмы ПРИРОДА и БЫТ связаны при помощи метафорических синтагм и перестают различаться:

*Не она ли за пряслом решетки
Ветровую свирелью поет...
Ветер нишет янтарные четки,
Красит золотом треснувший свод.*

Аналогично связаны парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ и ПРИРОДА в стихотворениях «Набух, оттаял лед на речке», «Сготовить деду круп, помочь развесить сети» и др. Почти везде в состав лексической гиперпарадигмы стихотворения входит и парадигма ПОТУСТОРОННЕЕ. Слияние лирического героя с миром природы не является полным и носит, как правило, оттенок предопределенности потусторонним началом. Такая предопределенность характерна и для стихотворения 1913 г. «Мне сказали, что ты умерла», где в состав гиперпарадигмы включены частные парадигмы ОНА: *ты, леззарно светла, баснословная, любовь, ласки, поцелуи*, ПОТУСТОРОННЕЕ: *неведомый град, нездешнее*, ПРИРОДА: *листопад, горный, осенний лист, зори, лучи*, ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ: *мне, я, со мной*. Парадигмы ПРИРОДА и ОНА выступают в роли основных, т.к. с ними связан мир вечной потусторонней женственности, истоки которого встречаем в стихах символистов и который является предметом поэтического анализа в названном стихотворении. Такая равнозначность с точки зрения организации поэтического мира в целом не является характерной для поэзии Н. Клюева. Как уже отмечалось, природная парадигма редко выполняет собственно пейзажную функцию, чаще всего являясь средством анализа других парадигм или выполняя чисто орнаментальную функцию. Исключение составляют несколько стихотворений 1913-1915 гг.: «Черны проталины, навозом...», «Теплятся звезды-лучинки», «Пашни буры, межи зелены», «Оттепель – бабахозяйка», «Талы избы, дорога...», «В овраге снежные ширинки», «На темном ельнике стволы берез» и др.

Приблизительно с 1916 г. собственно пейзажная функция природной парадигмы исчезает. В стихах 1916-начала 1917 г. Н. Клюев нарочито декларирует единство своего лирического героя с природой,

противопоставляя этому единству наносной с его точки зрения пласт цивилизации:

*Расцветает скука беленою
На страницах песьих, на мольбертах;
Зарождают жар-птицу, роха, сою
Я учусь у рябки, а не в Дерптах.
(«Счастье бывает и у кошки», 1916).*

*Жизнь-Праматерь заутрени росные
Служит птицам и правды сынам;
Книги-трупы, сердца папиросные –
Ненавистный Творцу филмиам!
(«Оттого в глазах моих просинь», 1917).*

*Невеста, я древо твое,
В тени моей песни-олени;
Лишь браком святится жилье,
Где сириный пух по колени.
(«Я – древо, а сердце - дупло», 1916).*

и др.

Функции природной парадигмы резко меняются после революции 1917 г. Так, в стихотворении «Красная песня» (1917) фольклорно-символическая функция является основной:

*Ставьте ж свечи Мужичкому Спасу!
Знанье – брат, и наука – сестра.
Лик пшеничный с брадой солнцевласой – Воплощенье
любви и добра!*

Природная парадигма не связана с проективной /пейзажной/ функцией:

*Прославимте, братья, персты,
Где бранный шатер красоты,
Где трубная роца ногтей
Украла громовых детей,*

-
...

*Где жгучий шиповник и ярь
Связуют кровавый янтарь!
Литарный семнадцатый год –
Тигриного солнца восход!
(«Всемирного солнца восход», 1918).*

*Мы – кормчие мира, мы боги и дети,
В пурпурный октябрь повернули рули.*

*Плывем в огнецвет, где багрец и рябина,
Чтоб ран глубину с океанами слить;*

*Суровая пряжа – бессмертных судьбина –
Вручает лишь Солнцу багряную нить.
(«Солнце Осьмнадцатого года», 1918).*

Приблизительно с 1918 г. в творчестве Н. Клюева природная парадигма выполняет функцию, которая отчасти уже проявлялась в ранних стихах, – противопоставления ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА крестьянской Руси. При этом парадигмы ПОТУСТОРОННЕЕ и ПРИРОДА выступают как однофункциональные. В этом также заключены элементы различия сопоставляемых идиостилей. В идиостиле С. Есенина природная парадигма играет более самостоятельную и значительную роль, практически лишена орнаментальности в отличие от идиостиля Н. Клюева, где часто ПРИРОДА и ПОТУСТОРОННЕЕ – объединяющиеся друг с другом парадигмы, образуют по существу одну парадигму, которая вступает в сложные функциональные связи с другими парадигмами.

Противопоставление ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА и КРЕСТЬЯНСКОЙ РУСИ характерно для стихотворения «Мы – ржаные, толоконные» (1918), где антитезность названных парадигм достигается, во-первых, за счет их состава, во-вторых, за счет проходящего через все стихотворение противопоставления МЫ – ВЫ: *ржаные, толоконные, пестрядинные, запечные, огонь, вода, пажити, осень, солнца пеклеванные – чугунные, бетонные, электрические, млечные, стоны молота, шлак и олово* и т.д. В последних трех строфах произведения природная парадигма связана с парадигмой ПОТУСТОРОННЕЕ:

*Мы – ржаные, толоконные,
Знаем Слово алатырное,
Чтобы крылья громобойные
Вас умчали во всемирное...*

Аналогичны функции природной парадигмы и в стихотворении «В избе гармоника», «Накинув плащ с гитарой...» (1918).

Отмеченная функция природной парадигмы присуща и более поздним стихам Н. Клюева. Например, в стихотворении «Маяковскому грезился гудок над Зимним» (1919): *журавлиный перелет, кот на лежанке, лесные сумерки, совиные зарянки, мережи осетровые и кетовые* и т.д. + однофункциональная часть парадигмы *рубаха, распутинские сапоги, поддевка, грусть монаха, свете тихий от народного лика* противопоставляется парадигме *гудок, иглокожий, головоногий, простой как мычание, облако в штанах казинетовых, подъемные краны, стоны молота*. Как и ранее, природная парадигма не является в формировании антитезы изолированной от других парадигм. Аналогичное противопоставление встречаем и в стихотворениях «Братья, мы забыли подснежник» (1920), «На заводских задворках, где угольный ад» (1920), «Придет караван с шафраном» (1921), «Стариком, в лохмотья одетым» (1922) и др.

В более позднем творчестве Н. Клюева лексемы природной парадигмы встречаются в виде отдельных вкраплений и еще в большей степени утрачивают свою парадигматическую определенность и специфику.

Таким образом, можно сделать вывод о значительных различиях в функционировании природной парадигмы сопоставляемых идиостилей. Основное различие заключается в том, что в идиостиле С. Есенина природная парадигма выступает как самостоятельная группа лексем, вступающая в отношения сопоставления и противопоставленности с другими парадигмами. У Н. Клюева природная парадигма гораздо менее самостоятельна. Можно утверждать, что у Есенина функция слова определяется зачастую одной парадигматической закрепленностью, т.е. выбор конкретной лексемы из состава природной парадигмы в некоторых случаях становится несущественным, одна лексема может быть употреблена вместо другой, функциональной значимостью обладает парадигма в целом. У Клюева присутствие в стихе лексем природной парадигмы важно не само по себе, а как средство выражения фольклорного начала. «Предметные» образы, возникающие при этом, менее конкретны и чаще всего не носят проективного характера, внося в произведение дух народных заветов, традиций, фольклорной архаики.

Иными словами, если у Есенина значительная функциональная нагрузка природной парадигмы, то у Клюева функционально значима не столько природная, сколько фольклорная парадигма.

С точки зрения состава природная парадигма у Н. Клюева мало отличается от соответствующей парадигмы С. Есенина, хотя представляется, что у Есенина эта парадигма представлена более широко. Однако различия в области функций, как показал анализ, более значительны. В целом они сводятся к тому, что, будучи связанными в обоих идиостилях практически с одними и теми же другими парадигмами, у С. Есенина лексемы природной парадигмы определяют в эволюции идиостиля уменьшение проективного начала и последующее «выравнивание» проективности и концептуальности. В идиостиле Н. Клюева, напротив, эволюция сводится к увеличению удельного веса проективного начала в предреволюционные годы и последующему значительному росту концептуального начала. Не случайно, В. Г. Базанов отмечает: «Клюев умел «красно» говорить и писать, насыщать свою речь громоздкими сравнениями, многосоставными эпитетами... В то же время поэзия Клюева рационалистична» [Базанов 1981: 29].

Существенны различия и в области средств связи природной парадигмы с другими парадигмами. Если в поэзии С. Есенина рассматриваемая группа лексем в разные периоды может занимать как позицию метафорического слова в метафорических конструкциях, так и в других случаях позицию модификатора или субъекта сравнения, т.е. быть и средством анализа, и объектом анализа в художественном пространстве стиха, то в идиостиле Н. Клюева слова природной парадигмы лишены такого многообразия и, как правило, занимают лишь позицию метафорического слова или объекта сравнения.

Отмеченные особенности природной парадигмы в идиостиле Н. Клюева обуславливают ее меньшую значимость в противопоставлении собственно языковых и образно-понятийных отношений в содержательной структуре текста, т.е. меньшую роль в формировании глубины текста.

Обратимся к особенностям функционирования других парадигм, которые вместе с природной занимают значительное место в творчестве С. Есенина и Н. Клюева и формируют соответствующие антиномии. Антиномии, как и парадигмы, выделяются на образно-понятийном уровне содержательной структуры текста, являясь ведущими в той или иной группе стихотворений. Сопоставляются лексические парадигмы, формирующие антиномии ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ, ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, их состав, функции и средства взаимосвязи с целью выявления общих и отличительных черт лексических систем идиостилей.

3.3. АНТИНОМИЯ ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ В СТИХОТВОРЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА И Н. КЛЮЕВА

Стихотворения, формирующие антиномию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ в творчестве С. Есенина и Н. Клюева, были написаны приблизительно в одно время, однако в лирике Н. Клюева эта антиномия представлена в основном в его раннем творчестве, до 1919 года. В стихотворениях С. Есенина антиномия ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ развивается в последний период творчества, после 1919 года.

В стихотворениях С. Есенина лексическими парадигмами, реализующими антиномию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, являются парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ПРИРОДА, ОЦЕНКА. Парадигмы ЛЮБИМАЯ («Не бродить, не мять в кустах багряных»), АТРИБУТЫ ТРУДА И БЫТА КРЕСТЬЯНИНА и КРЕСТЬЯНЕ («Каждый труд благослови, удача»), РЕЛИГИЯ («Ночь и поле, и крик петухов», «О верю, верю, счастье есть») выделяются не во всех произведениях, то есть являются единичными.

В стихотворениях Н. Клюева функционируют парадигмы ПРИРОДА и ОЦЕНКА. Нечасто встречающимися являются парадигмы РЕЛИГИЯ, МЕЧТА («Я был прекрасен и крылат», «Я говорил тебе о боге»), ПОЭЗИЯ («Я был прекрасен и крылат»), СВОБОДА («Безответным рабом»), МАТЬ («Я пришел к тебе убогий»), ЖИЗНЬ, а также парадигма ВРЕМЕННЫЕ ЛОКАЛИЗАТОРЫ («Сердцу сердца говорю»), БЫТ («Вечер») и др.

Состав лексических парадигм в стихотворениях Н. Клюева является нестабильным (то есть слова одной парадигмы могут включаться в состав разных парадигм). Например, в стихотворении «Сердцу сердца говорю» в состав парадигмы ЖИЗНЬ включены лексемы парадигмы ПРИРОДА: *просторы, море, берега*. Состав слов и словосочетаний, формирующих антиномию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ в стихотворениях С. Есенина, является в значительной степени стабильным. Лексемы той или иной парадигмы важны как члены определенного ряда, подкрепляющего

одну из сторон антиномии, и в произведениях С. Есенина, и в стихотворениях Н. Клюева.

В данной группе стихотворений С. Есенина и Н. Клюева антиномия построена на диалектически противоречивой связи миров природы и лирического героя.

В произведениях С. Есенина связь природного мира и мира лирического героя является связью неизменного и преходящего. Природа и лирический герой воспринимаются как принадлежащие общему миру, но, с другой стороны, они противопоставлены. Оценочная парадигма обнаруживает симпатии лирического героя то на одной, то на другой стороне антиномии, которая в целом остается неразрешенной.

В стихотворениях Н. Клюева взаимоотношения лирического героя и природы демонстрируются сквозь призму религиозной парадигмы, занимающей одно из ведущих мест в творчестве поэта. Оба мира взаимосвязаны, представляют собой некое органическое целое, но, в то же время, они и противопоставляются. В некоторых случаях природная лексика несамостоятельна и эксплицирует авторские оценки. Так, в стихотворении Н. Клюева «Невесела нынче весна» антиномия ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ реализуется в противопоставлении двух миров: настоящего и прошлого. Автор противопоставляет эти миры при помощи лексем парадигмы ПРИРОДА, образуя из них антонимичные пары: *безголорье – щебет, черна – лиловых, сизая муть – лазури*, то есть лексемы природной парадигмы нужны автору для экспликации своих симпатий.

Рассмотрим парадигму ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в данной группе стихотворений С. Есенина и Н. Клюева.

Эти парадигмы различаются, прежде всего, количественным составом: в есенинской парадигме значительно больше лексем, чем в клюевской. В составе парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в стихотворениях Н. Клюева практически половину составляют притяжательное местоимение *мой* (5), личное местоимение *я* (4) и возвратное местоимение *себя* (1) (в скобках указан индекс частотности), вторая половина состава представлена глаголами в индикативе в различных временных формах, именем прилагательным (*отверженный*) и глаголами со значением завершеного действия (*отдохнуть, разгадали, стали, лишился, пришел*). «Основная функция совершенного вида, – как отмечал В.В. Виноградов, – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его предделе...» [Виноградов 1972: 394]. Сосредоточение клюевского лирического героя на своих мыслях, чувствах представлено при помощи глаголов совершенного вида, а также местоимения *я*, так называемой эгоцентрической языковой единицы, ориентированной на передачу мыслей человека о себе [Гуреев 2004: 59]. Действительно, с помощью местоимений, заменяющих имена существительные, создается обобщенный образ лирического героя, внимание сосредоточивается на его внутреннем состоянии.

В этой же парадигме С. Есенина удельный вес личного местоимения Я незначителен по отношению ко всему количественному составу, притяжательные и возвратные местоимения отсутствуют. Отмечено большое количество оценочной лексики (например, *хулиган, разбойник, хам, степной конокрад, мошенник и вор, кровавый рот, били в морду, на женщин и зелье падкий, удаль забияки и сорванца, шарлатаном, скандалистом, забыл бы кабаки*), воспринимаемой как самохарактеристика лирического героя, а также качественных имен прилагательных (например, *худощавый, низкорослый, кровавый, отважный, гордый*) и глаголов в форме сослагательного наклонения (например, *забыл бы, стихи бы писать забросил, навеки б пошел за тобой, был бы*), придающих повествованию оттенок желательности. В составе парадигмы следует отметить присутствие отрицательной частицы *-не-* перед именами существительными, прилагательными и глаголами (например, *не злодей, не печален, не грабил, не расстреливал, сердцем не лгу*). Частица *-не-* демонстрирует в данном случае утверждение положительных качеств через отрицание пороков.

Таким образом, сравнительный анализ состава парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в стихотворениях обоих поэтов дает возможность сделать вывод о различном характере лексики, включенной в эту парадигму. Ключевское «Я» сливается воедино с природным миром и миром религии, тогда как «Я» Есенина ищет себя, меняется, перевоплощается, мечется, доводит себя до надрыва и не всегда находит себя.

Этот вывод подтверждается и сравнительным анализом парадигмы ОЦЕНКА. И.И. Степанченко, анализируя авторскую оценку сторон антиномии ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, считает, что в ранних стихотворениях С. Есенина мир прошлого, как правило, оценивается отрицательно [Степанченко 1991: 85]. В стихотворении «Хулиган» есенинский лирический герой расставляет однозначные оценочные акценты: он отдает предпочтение миру прошлого, потому что мир настоящего – это «боль и надрыв». В позднем стихотворении «Свищет ветер, серебряный ветер» (1925) прошлое оценивается лирическим героем пессимистически, а настоящее как «вера в жизнь, стремление слиться с ее потоком». «Разрешение антиномии в пользу настоящего может оказаться временным, ибо вывод сделан лирическим героем в обстановке надрыва, крайней взволнованности, поэтому дорога, по которой он идет от прошлого к настоящему, может повернуть вспять» [Степанченко 1991: 95].

Совершенно противоположное развитие антиномии наблюдаем в произведениях Н. Клюева, где план прошлого оценивается как желанный, но невозможный, а план настоящего – как не имеющий никаких положительных характеристик. Лирический герой Н. Клюева отдает однозначно предпочтение миру прошлого, не связывая с настоящим миром никаких надежд. Оценочная парадигма в стихотворениях Н. Клюева демонстрирует читателю авторское отношение к миру прошлого и миру настоящего. К примеру, в стихотворении «Вечер» описано сказочное прошлое лирического героя, настоящее же эксплицитно не представлено. В план прошлого

лирический герой вводит читателя словом *помню*: *помню на задворках солнопек, / сивку, мухояровую телку, за белесой речкою рожок*: («Ту-ру-ру не дам ягненка волку!..») Парадигма БЫТ представляет в стихотворении атрибуты родного лирическому герою прошлого мира: *сивка, телка, рожок, блин, крынка с молоком, буренка, стадо, мост, коровье*. Оценочная лексика также связана с предметами крестьянского быта и природой. Отношения между миром настоящего и прошлого в душе лирического героя определяются однозначно: он с трепетной любовью описывает свои воспоминания о прошлом. Настоящее не имеет своего продолжения, своего будущего, поэту остается только мир прекрасного прошлого.

В ранних стихотворениях, реализующих антиномию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, преобладает мотив тоски по прошлому, даже в мире настоящего лирический герой собирается жить по законам мира прошлого. В более поздних стихотворениях наблюдается двойственность отношения лирического героя к настоящему. В поздней лирике Н. Клюев с глубокой нежностью описывает прошлое, при этом не давая характеристики настоящему и никак не связывая эти два мира. В течение всего творчества авторские симпатии оказываются на стороне мира прошлого.

В есенинской интерпретации антиномии ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ представлены модификации: *Путь – Приют, Молодость – Увядание, Движение – Покой; Нежность, Искренность чувств – Грубость, Пошлость*. В лирике Н.Клюева антиномия ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ представлена частными антиномиями *Старое – Новое, Неопределенное – Явь, Жизнь – Смерть*.

Рассматривая состав парадигмы ПРИРОДА в стихотворениях С. Есенина, формирующих антиномию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, следует отметить ее большой количественный состав и большее разнообразие (137 лексем). Парадигма включает в свой состав лексику, отражающую все природные реалии родного С. Есенину края. Иногда природная парадигма выполняет символическую функцию (например, стихотворение «Каждый труд благослови, удача», в некоторых случаях – орнаментальную функцию (например, стихотворение «Заметался пожар голубой», [Степанченко 1991: 93-94]). Но в основном функциональная нагрузка природной парадигмы является концептуальной. И.И. Степанченко справедливо отмечает, что в художественном мире С. Есенина природа и предельные отрицательнооценочные характеристики несовместимы [Степанченко 1991: 92]. И действительно, в составе парадигмы ПРИРОДА мало лексем типа *буря, гроза*. Мотив надрыва поэт, как правило, не создает при помощи природной лексики.

В стихотворениях Н. Клюева лексемы парадигмы ПРИРОДА участвуют в развитии всех творческих мотивов, выполняя и проективную, и (чаще) концептуальную функции. Клюевская природная парадигма в стихотворениях данного блока по сравнению с есенинской мала по объему (30 лексем). Лишь некоторую часть природной лексики можно определить как отражающую природные реалии родного автору северного края

(например, *море, берега, граниты, взморье, скал, ракиты, ивы*). Большая часть природной лексики, функционирующей в данной группе произведений, отличается негативной ассоциативной окрашенностью (например, *пустынь, грозой, пучиной, туманом, тьмы, ночей, мглой, непогода, снегами*). Так, при помощи лексем природной парадигмы Н. Клюев выражает свое отношение, в основном, к стороне антиномии НАСТОЯЩЕЕ.

Парадигма РЕЛИГИЯ в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева данного блока является нечастотной, то есть встречающейся в относительно малом количестве произведений. Количественный состав религиозной парадигмы в стихотворениях, реализующих антиномию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, примерно одинаков в стихотворениях обоих поэтов и содержит соответствующую лексику. Например, у С. Есенина – *молитвенник, молюсь, благословенное страданье*; у Н. Клюева – *райский, душа, создатель*. В есенинских стихотворениях функционирование религиозной и природной парадигм вызывают представление о масштабности, значительности происходящих с лирическим героем изменений. В клюевских стихах религиозная парадигма либо участвует в сюжетном построении, либо, будучи взаимосвязанной с природной или оценочной парадигмами, эксплицирует авторскую оценку той или иной стороны антиномии.

Не имея аналогов в клюевских стихотворениях данной группы, в лирике С. Есенина функционирует парадигма ЛЮБИМАЯ, включающая лексику, описывающую любимую женщину (например, *волосы, глаза, кожа, нежная, красивая, гибкий стан, плечи*). «Есенинские влюбленности, его донжуанство – особая тема. Женщины его любили. Он ими увлекался. Может, любил. В его отношениях с женщинами были и эпикурейские связи, и ревность, и тоска, и драма, и любовь-чума, и любовь-исцеление» [Солнцева 2000: 72]. Само наличие такой парадигмы является особенностью есенинского идиостиля, уходящей корнями в блоковский поэтический стиль. Наиболее частотными являются лексемы СТАН и ПЛЕЧИ, придающие своего рода «эскизность» в описании любимой, то есть для С. Есенина любимая женщина является воплощением высокого чувства любви в абстрактном смысле. Это подтверждается и наличием других лексем в парадигме: *имя тонкое, невинные руки, лучиста и светла, нравится воображению поэта*, что позволяет говорить о есенинской любовной лирике в рамках антиномии ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ как воплощающей «любовь-исцеление». Следует сказать, что любовь и любимая женщина в лирике поэта разная: чистая и красивая («...остался в складках смятой шали запах меда от невинных губ»), страстная и чувственная («Зацелую допына, изомну, как цвет; хмельному от радости пересуду нет»), но всегда в этой любви восхищенное отношение к женщине, к ее красоте.

Средства взаимосвязи между парадигмами очень разнообразны в стихотворениях как С. Есенина, так и Н. Клюева. Это метафорические и неметафорические синтагмы, сравнения как бинарной (в форме двучлена) структуры, так и сравнения, выраженные творительным падежом имен

существительных, а также при помощи сравнительного союза *как*. Олицетворения в большем количестве встречаются в стихах Н. Клюева. В есенинской лирике олицетворение не выделено как одно из основных средств взаимосвязи лексических парадигм. Одним из средств взаимосвязи в стихотворениях обоих авторов является оценочная парадигма, придающая произведениям концептуальный характер.

Итак, в результате проведенного сопоставительного анализа лексики стихотворений Н. Клюева и С. Есенина, реализующих антиномию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ, можно сказать, что парадигмы, выделенные в данной группе произведений, идентичны у обоих поэтов: ПРИРОДА, ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ОЦЕНКА, что свидетельствует об общности проблематики их стихотворений, в основе которых лежит антиномия ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ.

В стихотворениях С. Есенина функционирует парадигма ЛЮБИМАЯ. Для С. Есенина любимая женщина чаще является воплощением высокого чувства любви. Аналогичная парадигма в стихотворениях Н. Клюева отсутствует, что само по себе является характеристикой идиостиля поэта.

В составе лексических парадигм, реализующих антиномию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ в произведениях С. Есенина и Н. Клюева, наблюдается определенное различие, демонстрирующее несоответствия в понимании себя, своего места в окружающем мире. Отмечено большое количество «низкой лексики» у С. Есенина (например, *хулиган, разбойник, хам, степной конокрад, мошенник и вор, кровавый рот, били в морду, на женщин и зелье падкий, удаль забияки и сорванца, шарлатаном, скандалистом, забыл бы кабаки и т.п.*), совершенно отсутствующей у Н. Клюева. В стихотворениях С. Есенина антиномия ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ относится не столько к внешнему миру, сколько к внутреннему состоянию ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ, создает атмосферу надрыва, не находя своего разрешения. Симпатии Н. Клюева однозначно на стороне ПРОШЛОГО, мир которого автор никак не связывает с миром настоящего.

При помощи лексем парадигмы ПРИРОДА Н. Клюев выражает свое отношение к миру настоящего (преобладание отрицательнооценочной лексики). Лишь некоторую часть природной лексики можно определить как отражающую природные реалии родного автору северного края (например, *море, берега, граниты, взморье, скал, ракиты, ивы*). Большая часть природной лексики, функционирующей в данной группе произведений, отличается негативной ассоциативной окрашенностью (например, *пустынь, грозю, пучиной, туманом, тьмы, ночей, мглой, непогода, снегами*). Так, при помощи лексем природной парадигмы Н.Клюев выражает свое отношение, в основном, к стороне антиномии НАСТОЯЩЕЕ.

Рассматривая средства связи парадигм, следует отметить, что наиболее частотным средством взаимодействия парадигм в произведениях С. Есенина являются метафорические, неметафорические синтагмы и сравнения. В произведениях Н. Клюева наиболее частотным средством взаимодействия являются олицетворения и сравнения. Это свидетельствует о том, что в

есенинских стихотворениях данного блока прослеживается тенденция к преобладанию текстов концептуального типа, а в стихотворениях Н. Клюева – проективного типа.

Отсутствие пары в противопоставлении Я/ВЫ в произведениях Н. Клюева (наличие только «Я») объясняется особенностями функционирования данной антиномии в раннем периоде его творчества, когда поэт ищет себя и пока не сравнивает и не соотносит себя с другими.

Подводя итог наблюдениям над лексикой данного блока стихотворений С. Есенина и Н. Клюева, можно говорить о значительном расхождении в использовании лексических средств, что свидетельствует о различии поэтических картин мира поэтов.

3.4. АНТИНОМИЯ МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ

Обратимся к сопоставлению лексических парадигм, реализующих в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева антиномию МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ.

Антиномия МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ лирического героя в творчестве С. Есенина является одной из модификаций антиномии ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ и разрабатывается преимущественно в произведениях 1924-1925 гг., то есть в последний период творчества. Клюевская антиномия МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ развивается в течение всего творчества поэта, претерпевая различные изменения.

В проанализированных стихотворениях Н. Клюева постоянно функционирующей лексической парадигмой, реализующей антиномию, является парадигма ОЦЕНКА. Единичными являются следующие парадигмы: РЕЛИГИЯ («Старуха»), ЛЮБИМАЯ («Люби начало было летом», «Среди цветов купаве цвезть»), ЖИЗНЬ, МОЛОДОСТЬ, СТАРОСТЬ («Ветхая ставней резьба»), РУСЬ («Стариком, в лохмотья одетым»), ЧЕЛОВЕК («Весна отсыяла...»), МОЛОДЫЕ ЛЮДИ («Тучи, как кони в ночном») и др.

Доминантными в стихотворениях С. Есенина являются следующие парадигмы: ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ОЦЕНКА; МИР РОДНОГО ПРИЮТА, представленный парадигмами ПРИРОДА и БЫТ РОДНОГО СЕЛА, а также парадигма ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. В стихотворениях С. Есенина представлены следующие единичные парадигмы: МОЛОДОСТЬ («Ты прохладой меня не мучай»), РЕЛИГИЯ («Троицыно утро, утренний канон»), ПЕСНЯ, ВРЕМЕННЫЕ ЛОКАЛИЗАТОРЫ («Над окошком месяц. Под окошком ветер», «Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело»), ДВИЖЕНИЕ («Эх вы, сани! А кони, кони!», «Снежная замять», «Вечером синим, вечером лунным»), СЕСТРА («Я красивых таких не видел»), ЧЕЛОВЕК («Закружилась листва золотая»). Как видим, многие парадигмы стихотворений Н. Клюева и С. Есенина совпадают, свидетельствуя об общности проблематики произведений данного блока.

Сопоставим особенности развития указанной антиномии в творчестве обоих поэтов. Процесс увядания в есенинских стихотворениях данного блока рассматривается как противоестественный, но неизбежный. Основным признаком увядания является прохлада, а затем и холод в душе лирического героя, который невозможно преодолеть. При всей привлекательности мира молодости для есенинского лирического героя, он чувствует себя отчужденным от него. За внешним холодом и безразличием прячется внутренняя изменчивость. Отмеченная многими исследователями «двоемирность» поэзии Сергея Есенина, свойственная ей атмосфера надрыва, имплицативность оценок позволяют сделать вывод об отсутствии определенных симпатий автора на той или иной стороне антиномии.

Антиномия МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ по-разному реализуется в различные периоды творчества Н. Клюева. В ранней лирике мотив безрадостной молодости и раннего увядания вступает в противоречие с идеальным миром лирического героя, в поздних стихах мир молодости и мир увядания находятся в отношениях объединения. Н.М. Солнцева отмечает, что в поздней интимной лирике Н. Клюева доминирует мотив возвращенной молодости [Солнцева 2000: 111]. Обратимся к сопоставлению состава, функций и средств взаимосвязи лексических парадигм, формирующих данную антиномию в лирике С. Есенина и Н. Клюева.

Лексическая парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в стихотворениях Н. Клюева включает в свой состав небольшое количество слов по сравнению с есенинской одноименной парадигмой: 22 лексемы и 77 лексем соответственно. Парадигмы отличаются не только в количественном, но и в качественном отношении. Парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в стихотворениях Н. Клюева состоит из слов, выполняющих проективную функцию в стихотворениях, например, *вышла, косы, сарафан*. Есенинская парадигма состоит из большого количества много- и разнофункциональной лексики, например, *юность пролетела, немного не красив, люблю тебя не очень, веселая юность, под чужую песню и смеюсь и плачу, я еще не навек постарел*. «Эта парадигма, как правило, совмещена с оценочной и подразделяется на две контрастные подпарадигмы, степень противопоставленности которых определяет глубину анализируемого противоречия» [Степанченко 1991: 109]. Например, в стихотворении «Эх вы, сани! А кони, кони!» парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ распадается на две противоположные подпарадигмы РАНЬШЕ и СЕЙЧАС. Причем противоречивый характер подпарадигмы СЕЙЧАС отмечен как свидетельство противоречий в душе героя [Степанченко 1991: 106].

Лексическая парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ взаимодействует в стихотворениях с другими парадигмами: ПРИРОДА и ОЦЕНКА.

В данной группе стихотворений С. Есенина природная парадигма включает в свой состав компоненты, характеризующие состояние увядания и связанные с ассоциативным полем лексемы *холод*: *луна, снег, мороз, снежная замать, лунный и синий цвета*. В составе парадигмы ПРИРОДА в произведениях С. Есенина отмечается наличие колоративной лексики:

золотая, розоватая (розовость), синяя (синие, синий), седые, голубые, желтый (желтая, желтеющий). В природной парадигме стихотворений данного блока Н. Клюева колоративной лексики нет.

Д.С. Лихачев, рассуждая о сущности природы, говорил о цели человеческого познания, которая состоит в раскрытии тайного символического значения ее явлений [Лихачев 1967: 159]. Именно в «раскрытии» символического значения явлений природы равных Н. Клюеву, вероятно, нет.

Н. Клюев поставил саму Природу в центр своего поэтического мира, перешагнув от простого созерцания, любования, восхищения и сакрализации к восприятию, объяснению явлений жизни через понимание явлений природы, суровой природы русского Севера.

Клюевская природная парадигма объединяет лексику, обозначающую универсалии, понятные каждому читателю, характерную для каждого идиостиля. Если сравнить частотную природную лексику в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева, то можно определить пространственные координаты обоих поэтов. Эти координаты практически сходны: *море, поле, солнце, свет, земля*. В произведениях Н. Клюева не очень частотны, например, среди лексем парадигмы ПРИРОДА такие слова, как *месяц, луна, сад, роза, липа, береза*. В стихотворениях С. Есенина нечастотны лексемы *сосна, ива, ель, голубь*.

Наличие наименований природных констант является универсальным свойством поэтического языка. «Имена, обозначающие сущности мира природы, входят в состав лексических констант, поскольку, <...> называют явления настолько универсальные, что они должны наименоваться в любом языке, составляют сегмент образной картины мира писателя независимо от его эстетической организации и, таким образом, во-первых, позволяют реконструировать фрагмент концептуальной картины мира творца, во-вторых, выступают объективным материалом для сравнения различных творческих систем...» [Ульман 1970: 286-287].

Состав лексики оценочной парадигмы в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева также не совпадает. В произведениях С. Есенина данного блока преобладают отрицательные коннотации. Например, *прохлада в душе, темная сила, грустно, жалость, горевать, глушь, седые журавли, отшумевшая жизнь, одряхлевшая, думает горько, тревога и грусть большая, идет до погоста*. В составе парадигмы большое количество слов с отрицательной частицей *не*: *ничего не желать, не больна измена, не радуется, не жаль, не хочу, не тяжело, не умею, не хотел бы, как бы и хотел не любить* и т.п. Наблюдается преобладание глаголов будущего времени, что соответствует оценке настоящего и прошлого лирического героя с точки зрения будущего, ирреального мира. Преобладание глаголов над именами, а также отрицательнооценочной лексики над положительнооценочной вызывает в сознании читателя ассоциации с состоянием неизбежного увядания как процесса, влияющего на самого лирического героя. В процессе развития творчества С. Есенина оценочная парадигма, сливаясь чаще всего с

парадигмой ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, теряет свою самостоятельность [Степанченко 1991: 109].

В клюевской оценочной парадигме преобладает лексика с положительными коннотациями. Например, *молодка пригожая, алоцветная краса; как кони в ночном; радуйтесь, радугой цветет, лучистый, словно в рай, чаша снов и превращений, нежней, мой улей с солнечною брагой, любит, золотой, как весна* и т.п. Большая часть лексики в парадигме ОЦЕНКА – это имена существительные и прилагательные, связанные тематически с миром природы и миром деревенского быта: *шуметь ковылем, верба-Невеста, плясун-башмачок, карлица-мгла, мой смуглый сад, имелиной цитрой (теленкают воспоминанья), чтоб пахли звезды резедой, как пастушок* и т.п.

Оценочная парадигма в процессе развития творчества Н. Клюева все более приобретает самостоятельность и выполняет самостоятельную функцию, придавая произведениям концептуальный характер.

Парадигма ВОЗЛЮБЛЕННАЯ в стихотворениях С. Есенина является представленной часто, парадигма ЛЮБИМАЯ в стихотворениях Н. Клюева – редко. Малое число лексем, входящих в состав клюевской парадигмы, характерно для творчества поэта, чего нельзя сказать о есенинской парадигме ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Преобладание чувственной стороны любви над духовной подтверждает наблюдения о внутреннем надрыве лирического героя: *трепет тела; целуешь, а губы, как жемчужина; не смотря в лицо, от страсти млеешь, мне на плечи руки опустив; молодая, с чувственным оскалом; скольких ты ласкала; многим ты садилась на колени* и т.п.

Сопоставим тексты двух произведений С. Есенина и Н. Клюева с точки зрения глубины текста и попытаемся показать различия между ними, обусловленные особенностями функционирования лексических парадигм. Чтобы придать анализу текстов черты соотносительности, рассмотрим произведения, в которых разрабатывается одна и та же антиномия – МОЛОДОСТЬ-УВЯДАНИЕ: есенинское «Не жалею, не зову, не плачу» /1921/ и «Стариком, в лохмотья одетым» Н. Клюева /1922/.

В стихотворении С. Есенина антиномия развивается на основе взаимодействия двух миров – мира природы и мира человека. Наряду с силами притяжения между этими мирами действуют и силы отталкивания. Развитие взаимоотношений природы и человека здесь типичны для творчества С. Есенина – от отдельных точек соприкосновения к полному слиянию. Узлы пересечения двух миров:

*Все пройдет, как с белых яблонь дым / I строфа/
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым / I строфа/.*

(Интересно, что в этом случае, как и во многих есенинских стихах, наблюдается процесс, противоположный персонификации природных явлений, человеческая личность рассматривается через призму качеств природных реалий).

*И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком / 2 строфа/*

Пламень уст, половодье чувств, буйство глаз /3 строфа/

*Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне / 4 строфа/.*

В пятой последней строфе два мира практически неразделимы:

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветь и умереть.*

Местоимение ТЫ в 3 строке 5 строфы, включая в себя Я и МЫ, в равной мере относится и к миру природы, и к миру человека, синтезирует диалогичность предшествующего текста, подводя итог диалога Я с ТЫ в обращениях лирического героя к *сердцу, духу бродяжьему, буйству глаз, половодью чувств, жизни* во 2,3,4 строфах. Эти слова и словосочетания на образно-понятийном уровне выстраиваются в единую парадигму «духовности», которая определяет особенности эмоциональной тональности стиха. «Предметные» образы, возбуждаемые членами этой парадигмы, ассоциируются со всем преходящим и прекрасным, что есть на земле. И не случайно, утверждая мысль о единстве всего сущего, поэт соединил в последней строфе эти три мира: мир Я, мир ТЫ и мир природы в одном МЫ, которое в диалоге 3 строфы трансформируется в ТЫ [Степанченко 1991].

Как и большая часть стихотворений Есенина, анализируемый текст построен на ряде общих и частных противопоставлений, антиномий. В основе стихотворения лежит антиномия временного плана. Ведущими временными пластами являются пласт настоящего /ТЕПЕРЬ/ и пласт прошедшего. Временной пласт будущего только контурно намечен в тексте: *все пройдет, как с белых яблонь дым; я не буду больше молодым.*

План настоящего формируется за счет употребления глаголов в форме настоящего времени: *не жалею, не зову, не плачу: дух бродяжий, ты все реже, реже расшевеливаешь пламень уст* – или временного локализатора *теперь*:

*Ты теперь не так у же будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.*

Я теперь скупее стал в желаньях.

План прошлого: *молодость, свежесть, буйство глаз и половодье чувств, биенье сердца, щедрость желаний* и др.

Противопоставленные лексические ряды в процессе восприятия текста формируют в сознании читателя антиномию МОЛОДОСТЬ – ЗРЕЛОСТЬ, имеющую аналог в мире природы – ЦВЕТЕНИЕ – УВЯДАНИЕ. По существу это второй вариант названной выше временной антиномии, ибо с цветением ассоциируется прошлое, с увяданием настоящее.

Лирический герой стихотворения анализирует свое состояние, противопоставляя разные временные пласты. Такой путь развития указанной антиномии порождает два плана и формирует ряд более частных антиномий. Первый план – это декларативная оценка лирическим героем своего нового состояния / временной пласт настоящего/: *не жалею, не зову, не плачу: все мы ... тленны; будь же ты вовек благословенно, что пришло процветать и умереть*. Лирический герой как бы уговаривает себя в естественности и закономерности того, что с ним происходит, и аналогичные процессы в природе, на первый взгляд, подтверждают это: *как с белых яблонь дым; тихо льется с кленов листьев медь*.

Однако, в анализе состояния увядания лирического героя есть и второй план. Молодость – это время, когда поступки совершаются по зову чувства, а не убеждениям разума /и страна березового ситца не заманит шляться босиком/. Чувства порождают *дух бродяжий*, который в свою очередь способен *расшевелить пламень уст, а пламень уст* – внутренняя раскрепощенность, свобода, питающиеся молодостью, - необходимы лирическому герою и для любви, и для поэзии. Любовь и поэзия неразделимы. *Холодок, тронувший сердце, погасшие уста* – угроза поэтическому дару. И хотя этот мотив не получает дальнейшего развития, он усиливает настроение трагичности, невозвратимости былого, подготавливая как бы невзначай прорывающуюся сквозь убеждения разума в естественности происходящего фразу, идущую от чувства:

*О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.*

Звучащая в этой фразе боль утраты, горечь сожаления о прошедшей молодости разрушает полную аналогию между увяданием в мире природы и в мире человека. В природе увядание протекает безболезненно, в мире людей этот процесс ощущается лирическим героем как драма. Так развивается второй план исходной антиномии, в котором человек и природа оказываются скорее противопоставленными, чем сопоставленными. Это оценка лирическим героем своего состояния с точки зрения чувства. Мысль и чувство вступают в противоречие.

Второй план, в свою очередь, порождает частную антиномию ОТЧАЯНИЕ – НАДЕЖДА. Увядание – это еще не смерть: *сердце, и тронутое холодком, будет продолжаться биться, хотя и не так, как прежде, пламень уст, хотя и реже, будет расшевеливаться, желания останутся, хотя и станут скупее*. Так в стихотворении возникают

оптимистические нотки, хотя НАДЕЖДА и БОЛЬ так и останутся несводимым друг к другу противоположностями, противоречие не получило своего разрешения, обе части антиномии сосуществуют в сознании лирического героя [Степанченко 1991].

Сопоставим рассмотренное стихотворение с клюевским «Стариком, в лохмотья одетым». Здесь в основном проявляются те же черты различия и сходства, которые уже отчасти были проанализированы выше.

В стихотворении Н. Клюева несколько парадигм: ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ (*старик, в лохмотья одетый; обветренная палка; дед-гость, домовина*); противопоставленная ей парадигма НОВЫЙ МИР (*горничная в плоской наколке, трости, дорогая картина*); ПРИЮТ (*нищий рай, бог, древо печное, смоковница солодовая*); ОЦЕНОЧНАЯ ПАРАДИГМА, четко противопоставляющая парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ и НОВЫЙ МИР, а также объединяющая парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ и ПРИЮТ (*шарахнуться, хихикнут, кто и не знаю закинут невод в чужое, вернусь, умолкну*).

Антиномия МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ связана с противопоставлением *поэт – нищий / поэт – подайте на хлеб Христа ради, умолкну, в мое бездонное слово канут моря и реки*.

Природная парадигма здесь в отличие от есенинского произведения играет менее существенную роль, лишена проективных признаков (*скоротал все проселки, придорожные пни и камни, в листопад рябины и граба уныла дверь за оградой, в мое бездонное канут моря и реки*) и по существу входит в парадигму ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, соединенную с парадигмой ОЦЕНКА, являясь одним из средств их связи.

Большая глубина текста есенинского стихотворения связана, таким образом, с однозначностью оценочной парадигмы у Н. Клюева, с более определенными и одноплановыми средствами связи парадигм. Хотя функции парадигм в сопоставляемых произведениях идентичны, их состав различен: у С. Есенина приют лишен черт патриархальности, оценочная парадигма, как и остальные парадигмы, внешне менее драматизирована. Драматичность противопоставления молодости увяданию переведена в план подтекста, у Н. Клюева аналогичные настроения выражены эксплицитно. С точки зрения соотношения проективности-концептуальности оба стихотворения одинаковы.

Антиномия МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ функционирует в поздний период творчества С. Есенина. Претерпевающая изменения, данная антиномия функционирует на протяжении всего творчества Н. Клюева.

Ведущими лексическими парадигмами поэтических произведений обоих поэтов, разрабатывающих антиномию МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ, являются: ПРИРОДА, ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ОЦЕНКА. Практически одинаковый набор парадигм демонстрирует общность проблематики их произведений.

Парадигма ВОЗЛЮБЛЕННАЯ в стихотворениях С. Есенина является часто встречающейся, а парадигма ЛЮБИМАЯ в стихотворениях Н

Клюева – редко, что свидетельствует о большей значимости темы любви к женщине в творчестве С. Есенина.

Парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в произведениях С. Есенина и Н. Клюева отличается как количественным, так и качественным составом. У Н. Клюева эта парадигма состоит из слов, выполняющих проективную функцию, у С. Есенина – из большого количества много- и разнофункциональной лексики. Есенинское восприятие противоестественности и неизбежности процесса увядания противостоит клюевскому религиозному пониманию течения человеческой жизни. Мотив возвращенной молодости в творчестве Н. Клюева рассматривается как состояние души лирического героя, а не как противоестественный процесс.

Природная парадигма в данной группе стихотворений С. Есенина состоит из слов, характеризующих состояние увядания. Лексика, вызывающая ассоциативную связь с лексемой *холод*, определяет ее состав. Двойственность восприятия поэтом природы и человека (отношения объединения, и противопоставления) не позволяет сделать выводы об однозначном, определенном отношении С. Есенина к обеим сторонам антиномии. В стихотворениях Н. Клюева именно природная парадигма дает основания для определения авторской позиции по отношению к сторонам антиномии **МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ**. Авторские симпатии обнаруживаются на стороне концепта **МОЛОДОСТЬ**.

В составе парадигмы ПРИРОДА в произведениях С. Есенина отмечается наличие колоративной лексики (например, *золотая, розоватая, синяя, седые, голубые, желтый*). В природной парадигме Н. Клюева такой лексики нет. При сравнении лексики, входящей в состав природной парадигмы в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева, определяются пространственные координаты художественного мира поэтов. Эти координаты определены лексемами *море, поле, солнце, свет, земля*.

Итак, оценочная парадигма в процессе творчества С. Есенина теряет свою самостоятельность, сливаясь с другими парадигмами, чаще всего – с парадигмой ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ. В творчестве Н. Клюева парадигма ОЦЕНКА функционирует самостоятельно, взаимодействуя практически со всеми парадигмами в стихотворениях.

Состав лексики оценочной парадигмы в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева не совпадает. В произведениях С. Есенина данного блока преобладают отрицательные коннотации. В составе парадигмы большое количество слов с отрицательной частицей *не*. В клюевской оценочной парадигме преобладает лексика с положительными коннотациями. Большая часть лексики клюевской оценочной парадигмы – имена существительные и прилагательные, связанные тематически с миром природы и миром деревенского быта.

Подводя итог парадигматическому анализу лексики стихотворений, реализующих антиномию **МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ**, можно сделать вывод о некотором сходстве черт идиостилей, например, в выборе аналогичных парадигм, и различии их лексического состава и функций.

3.5. АНТИНОМИЯ ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ

Рассмотрим лексические парадигмы, формирующие образно-понятийную антиномию ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ в произведениях Н. Клюева и С. Есенина данного блока. В стихотворениях С. Есенина доминантными лексическими парадигмами, с помощью которых формируется антиномия ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ, являются парадигмы РЕЛИГИЯ, ПРИРОДА и ОЦЕНКА. Парадигмы ПУТЬ, ЦВЕТ, ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ДЕРЕВЕНСКИЙ БЫТ, ТВОРЧЕСТВО, ЧЕЛОВЕК выделяются не во всех произведениях данной группы, то есть не являются доминантными.

В стихотворениях Н. Клюева данного блока доминантной является одна парадигма – ОЦЕНКА. Парадигмы ПРИРОДА, НЕВЕДОМОЕ, КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ относятся к частотным. Выделено большое количество единичных парадигм, функционирующих в стихотворениях данного блока. Авторское восприятие соотношения земного и потустороннего миров накладывает отпечаток на весь идиостиль поэта, в том числе и на лексический его пласт.

Время написания стихотворений, разрабатывающих антиномию ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ, у обоих поэтов совпадает – до 1919 года.

Анализ антиномии ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ показал сложность отношения С.А. Есенина к потустороннему началу, действие постоянно противоборствующих сил отталкивания и притяжения в его художественном мире, а по существу – углубленный анализ диалектики отношений разных сторон духовной жизни человека – таков вывод И.И. Степанченко о сути есенинской антиномии ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ [Степанченко 1991: 81]. Анализ одноименной клюевской антиномии продемонстрировал сложное отношение поэта к потустороннему миру, а также представил вторую сторону антиномии – дорогой Н. Клюеву крестьянский мир и деревенскую, чистую природу, то есть ЗЕМНОЕ – как сакральный процесс.

Разнообразие выделенных парадигм в исследуемой группе стихотворений Н. Клюева свидетельствует о различных проявлениях антиномии ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ. Практически все стороны человеческой жизни поэт представляет в рамках этого противопоставления. Основы клюевского миропонимания связаны с идеями активного христианства Федорова, с его главным откровением: «Бог действует в мире через человека, свое верховное творение, созданное по Его образу и подобию, и задача сынов человеческих – соделаться сознательными орудиями осуществления воли Божьей в полном объеме последних обетований: воскрешение умерших, преображение их природы и естества мира» [Семенова 1997: 26]. Свое видение всеобщего спасения Клюев соотносит не только с воскрешением отцов и дедов, а еще и с тем, «что вселенски-преобразовательное, *небесное* вырастает из самого конкретного и тепло *земного* (дома, печи, люльки), – иначе говоря, в соединении *вершин и*

корней, стремления к бессмертию и богоподобию с чувством рода и родины» (выд. автором) [Семенова 1997: 29]. Эти «вершины и корни» воплощены в антиномии ЗЕМНОЕ-ПОТУСТОРОННЕЕ и отражают ключевское понимание основ мироустройства, в котором одно из главных мест занимает Мировое дерево, связывающее в поэтическом мире поэта все «традиционно-мифологические сферы – Землю, Рай и Ад» [Захаров 1997: 103].

Обратимся к сопоставлению основных лексических парадигм стихотворений С. Есенина и Н. Клюева, в которых реализуется антиномия ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ.

Сравнение парадигм ОЦЕНКА в произведениях С. Есенина и Н. Клюева рассматриваемого блока позволяет сделать вывод о значительных различиях в их составе, функциях и средствах связи. Есенинская оценочная парадигма состоит из небольшого количества слов, основная часть которой представлена глаголами, вызывающими в сознании реципиента ассоциации с состоянием чего-то наконец произошедшего, от чего лирический герой слишком устал: *чахнут, потащились, не разбудишь, не изменят, отгрустил, не гнетет, не тревожит*. Другие лексемы парадигмы связаны с прямо противоположными оценочными характеристиками: *родная (Русь), низенькие (околицы), веселый (пляс), веселые*. Например, в стихотворении «Гой ты, Русь моя родная», по справедливому замечанию И.И. Степанченко [Степанченко 1991: 69], оценка Руси достаточно сложна: наряду с *чахнут тополя – веселый пляс*. Парадигма ОЦЕНКА противопоставляет исходные парадигмы. В противопоставлении оценок заключается проявление антиномии ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ. Различное соотношение концептуального и проективного начал в стихотворении определяется изменением отношения лирического героя к потустороннему миру. Мотив бунтарства, отказа от смирения с «ТИХИМ ДОМОМ потустороннего мира» [Степанченко 1991: 79] – это то, к чему «привел» автор лирического героя в рамках антиномии.

Оценочная парадигма в стихотворениях Н. Клюева отличается от есенинской бóльшим количественным составом. В парадигме в основном функционируют имена, например, *мраморный, старом, трухлявые, ржавый, как осень, как с природой, детским телом, разгульным, звездистый, как малиновка в тенетах, как строчек рваный ком, борода-прибой, пихтовой просекой и сторожкой* и т.д. Среди 49 лексем выделены только два глагола – *поникнет* и *рыдает*. Преобладание сравнений, выраженных именами существительными, в составе парадигмы ОЦЕНКА позволило объединить в стихотворениях большое количество разнообразных лексических парадигм. Это мотивировано самой структурой поэтического мира Н. Клюева, в котором одно из центральных мест занимает проблема ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ.

Парадигма ПРИРОДА в данной группе стихотворений С. Есенина и Н. Клюева различается количественным составом, и выполняемыми функциями. В природной парадигме С. Есенина 106 лексем, в клюевской парадигме – 58, что свидетельствует о большем разнообразии есенинского

природного мира. Обе парадигмы включают в себя конкретные имена существительные, возбуждающие в сознании реципиентов «предметные» образы, то есть определяющие проективный аспект содержания стихотворений. Например, у С. Есенина: *поля, лес, облака, сосняк, тополя, равнина, копны и стога, алы зори, яблоко, мед*; у Н. Клюева: *бора опушка, просинь, лед, в кустах, березки, снег, пнем, луч, валежину, ельник, пихта, розой, клетоты орлиц, прокосы, водоросли, совенок*.

Взаимодействие с религиозной парадигмой не оказывает серьезного влияния на состав природной парадигмы в есенинских стихотворениях проективного типа. «Это качество природной парадигмы определяет черты константности поэтического мира лирики С. Есенина, черты же изменчивости ему придают разнообразные парадигмы, с которыми пересекается природная парадигма, и различные средства пересечения» [Степанченко 1991: 69]. С усилением концептуального начала в разработке антиномии ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ С. Есенина изменяется состав природной парадигмы, включающий слова, лишенные конкретной определенности. С развитием антиномии усиливается абстрактное начало. В последний период творчества С. Есенина природная парадигма полностью утрачивает черты проективности, выполняя в стихотворениях символическую функцию.

Константность поэтического мира лирики Н. Клюева также определяет относительно постоянный состав природной парадигмы. Восприятие природы как «золотой книги» человеческого бытия объясняет многофункциональность природной парадигмы. Преобладание имен в составе парадигмы ПРИРОДА обеспечивает «называние», определение контуров мира земного в художественном мире Н. Клюева: *звезды, облака, дали, гром, ветер, тучи, снег* (вертикаль) – *земля, воды, леса, перелески, болота, прокосы, снежная лужица* (горизонталь).

В стихотворениях рассматриваемой группы С. Есенина наиболее частотным является взаимодействие парадигм РЕЛИГИЯ с парадигмами ПРИРОДА и ОЦЕНКА, «ибо функции природной парадигмы и характер оценки определяют степень проективности/концептуальности текста» [Степанченко 1991: 80]. В функционировании религиозной парадигмы наблюдается некоторая цикличность: лексемы религиозной парадигмы вначале являются средством анализа других парадигм, занимая позицию объекта сравнения в сравнительной конструкции или метафорического слова в метафорической синтагме. В более позднем творчестве С. Есенина рассматриваемые лексемы соотносятся с миром, который выступает в роли объекта анализа, и занимают позицию субъекта сравнения или расшифровывающего члена в метафорической конструкции. В связи с переходом антиномии ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ в иные антиномии религиозная парадигма снова является средством анализа других парадигм.

В отличие от есенинской парадигмы РЕЛИГИЯ одноименная парадигма стихотворений Н. Клюева слишком мала по составу: 72 и 7 лексем соответственно. Это объясняется ведущей ролью парадигмы ПРИРОДА в

лирике Н. Клюева: при помощи лексем парадигмы ПРИРОДА поэт связывает в целое все стороны человеческой жизни, включая и духовный ее аспект. Состав парадигмы, дающей представление о стороне антиномии ПОТУСТОРОННЕЕ, включает в себя лексику, связанную не с миром религии, а с миром неведомого, неизвестного, сказочного: *то, чему названья нет, полунамек, загадочностью, ряд примет; души, темным зовом, королевич еруслан, девушка-русалка, манит на дно, тоскующая нить*, и т.д.

Лексический состав парадигм, демонстрирующих авторское отношение к проблеме поэтического творчества, в стихотворениях данной группы С. Есенина и Н. Клюева различен. Клюевская парадигма ПОЭЗИЯ (*лира, отзвуки, струн, поэзии символ, труба, страницы, стихотворенье, строка, стихи, под пером, чернила, словотворенья*) отличается от есенинской парадигмы (*напев, слово, тома тяжелые, брюсов, блок, красные уста, Сергей Есенин, образ рвется с языка*) по своему содержанию, хотя обе парадигмы представлены лексикой, ассоциативно или непосредственно связанной с процессом стихосложения. Разное отношение обоих поэтов к проблеме поэтического творчества не могло не наложить отпечаток на способы ее воспроизведения в их стихотворениях, а именно: на функциональную нагрузку лексики, выделенной в составе парадигм. Например, в стихотворении С. Есенина «Проплясал, проплакал дождь весенний» парадигма ТВОРЧЕСТВО, взаимодействуя с парадигмами ПРИРОДА, ОЦЕНКА и РЕЛИГИЯ, порождает такой смысл: творчество поэта – лирического героя, не может изменить застывший мир.

В стихотворении Н. Клюева «Чтоб пахнуло розой от страниц» проблема творчества представлена в свете единства лирического героя и природы, без которой, по мнению автора, не может быть истинной поэзии. Понимание поэзии как необходимого участника процесса преобразования мира и ее неразделимость с миром природы делает клюевский подход к проблеме творчества более жизнеутверждающим и оптимистичным, чем есенинский.

Основными средствами взаимосвязи лексических парадигм являются неметафорические синтагмы, метафоры, сравнения и олицетворения, придающие стихотворениям проективный характер.

Итак, в группе стихотворений С. Есенина, реализующих антиномию ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ, ведущими лексическими парадигмами являются РЕЛИГИЯ, ПРИРОДА и ОЦЕНКА. В произведениях Н. Клюева доминантной является одна парадигма – ОЦЕНКА; другие парадигмы, выделенные в ходе анализа, относятся к частотным и единичным. Набор парадигм, реализующих антиномию ЗЕМНОЕ – ПОТУСТОРОННЕЕ в стихотворениях обоих поэтов, примерно одинаков. Он свидетельствует об общности проблематики произведений С. Есенина и Н. Клюева. Функционирование парадигм различно, что свидетельствует о разных путях разработки антиномии.

Состав парадигмы ПОЭЗИЯ в произведениях С. Есенина и Н. Клюева различен, хотя в ее составе – лексика, ассоциативно или непосредственно

связанная с процессом стихосложения. Например, *напев, слово* у С. Есенина – *отзвуки, лира* у Н. Клюева. Функциональная нагрузка лексики парадигм продемонстрировала разное понимание процесса творчества: есенинский поэт не может изменить застывший мир, тогда как клюевское понимание поэзии делает ее участником процесса преобразования мира.

Отмечается различие в составе парадигмы РЕЛИГИЯ как в количественном, так и в качественном отношении. В стихотворениях С. Есенина наиболее частотным является взаимодействие религиозной парадигмы с парадигмами ПРИРОДА и ОЦЕНКА. В произведениях Н. Клюева религиозная парадигма очень мала по объему и уступает свои функции лексике парадигмы НЕВЕДОМОЕ.

Парадигма ПРИРОДА в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева различается количественным и качественным составом. В стихотворениях С. Есенина природная парадигма выступает как самостоятельная группа лексем, вступающая в отношения сопоставленности и противопоставленности с другими парадигмами. У Н. Клюева природная парадигма менее самостоятельна. В его стихотворениях присутствие лексем природной парадигмы рассматривается как средство восприятия природы – «золотой книги» человеческого бытия.

Изменение функций одной парадигмы в стихотворениях влияет на отнесенность произведения к проективному или концептуальному типу, а вслед за этим меняются и средства связи парадигм в стихотворениях обоих поэтов: от неметафорических синтагм – наиболее простого для восприятия средства связи парадигм, до связи с третьей парадигмой, не подкрепленной на языковом уровне. Общей закономерностью, присущей всем рассматриваемым стихотворениям С. Есенина, является отсутствие однозначных оценок каждой из сторон антиномии. В целом стихотворения рассматриваемой группы носят концептуальный характер. Анализ произведений Н. Клюева продемонстрировал сложное, но однозначно положительное отношение поэта к потустороннему миру, а также к миру земному. У Н. Клюева антитеза развивается в произведениях как проективного, так и концептуального типа, причем, наблюдается усиление проективного начала в творчестве поэта.

3.6. АНТИНОМИЯ ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ

В творчестве «олонецкого ведуна» Н. Клюева воссоздавалась народная картина мира, несущая в себе коллективное мифологическое сознание. Среди разнообразия языческих представлений народа на первый план выходят образы крестьянского быта и бытия: *Изба, Печь, Очаг, печной Огонь, Вода, Ковш, Божница, Коврига*. Реалии крестьянской жизни в произведениях Н. Клюев сводит к «обожению», они приобретают сакральный характер. Переосмысляя традиционные образы, Н. Клюев создает своих мифологических персонажей. Мифологические персонажи (домовой, леший, черт, сатана) являются не главными героями стихов поэта, а фрагментами его

воспоминаний детства, сновидений и одновременно составляющими его картины мира, в котором каждый предмет, каждое явление может относиться как к старообрядчеству, так и к язычеству. Категории «пространство и время» в творчестве Н. Клюева также мифологизированы. Поэт создает свой образ мифического времени. Круговорот, движение человеческой судьбы – главная функция мифологического времени. Он соотнесен с образом богини судьбы, ткущей нить жизни.

Мечта о жизни в мире художественно воплотилась у поэта в дальнейшее развитие федоровской идеи победы добра над злом, прощения врагов своих и превращения их в друзей, утопического описания будущего «золотого» века. В целом же стихи Н. Клюева, проникнутые гармонией христианского идеала и картинами крестьянского «избяного Рая», выражают оптимистическую авторскую позицию в понимании Жизни и Смерти, несут веру в Возрождение.

Антиномия в произведениях С. Есенина развивается в основном в 1914-1916 и в 1920-1922 гг. «В первой группе антиномия ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, как правило, не касается судьбы лирического героя, во второй – относится преимущественно к лирическому герою» [Степанченко 1991: 109]. Антиномия в произведениях Н. Клюева развивается на протяжении всего творчества, претерпевая различные изменения и по-разному определяя место лирического героя в окружающем его мире.

В рассматриваемых стихотворениях Сергея Есенина доминантной лексической парадигмой является парадигма ОЦЕНКА. Основными парадигмами являются следующие: ПРИРОДА, ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ЛЮБИМАЯ, РЕЛИГИЯ. Единичными являются парадигмы РОДНОЙ КРАЙ, ОКРУЖАЮЩИЙ МИР, МУЗЫКА и РАССТАВАНИЕ. Состав парадигм, формирующих данную антиномию, оказывается довольно разнообразным.

Практически таким же является набор парадигм в произведениях Н. Клюева: ОЦЕНКА, ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, ПРИРОДА, СМЕРТЬ, РЕЛИГИЯ. Отличными от есенинских являются парадигмы в стихотворениях Н. Клюева: СЕМЬЯ, МЫ, ВЫ, ЧУЖОЕ, РОДНОЕ, НЕВЕДОМОЕ, КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ, ГОРОДСКОЙ БЫТ.

Обратимся к сопоставительному анализу парадигм ПРИРОДА в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева. Состав природной парадигмы в стихотворениях обоих поэтов различен. Клюевская лексика отображает реалии мира дикой, лесной природы, есенинская же лексика – реалии мира человека. Например, если у Н. Клюева преобладают слова типа: *болото, бор, тропа лесная, ручей, лес, шишек, смоль, елка, мухомор, твари*, то у С. Есенина: *овин, мельница, поля, злак овсяный, межа, лошади, кони*. В природной парадигме С. Есенина отмечено наличие зоонимов (10% от общего количества), причем это названия исключительно домашних животных, а в клюевской парадигме, наоборот, только названия лесных зверей и птиц (9% от общего количества). Например: у С. Есенина – *конь, собачий, лошади*, у Н. Клюева – *чирок, сорочий, пташек, совенка, белка*. Только однажды встречаем у Н. Клюева лексему *жеребята*. В двух

сравниваемых парадигмах функционирует лексика скорее с абстрактным началом, чем с конкретным. Например, *гарь, гречневые просторы, стужа, сиреневый дым* (у Есенина), *закат, рассвет, листопад, вечер, пуца, туча, осень* (у Клюева), что позволяет отнести рассматриваемые стихотворения обоих поэтов к преимущественно концептуальному типу. Следует отметить, что тип текста не определяет характер природной парадигмы. Таким образом, есенинский лирический герой живет в мире города, герой Н.Клюева – в мире природы. «...лирический герой Клюева – «хозяин», чувствующий равномерный и радостный приток тепла от окружающей живности...» [Эпштейн 1990: 107].

Колоративная лексика ограничивается несколькими цветами как в клюевской, так и в есенинской парадигмах. Это слова *зеленя, голубое, синь, золотая, сиреневый* в есенинских стихотворениях, *зеленя, синь, синева, просинь, голубой, синие, багряно-золотой, белый* – в клюевских, связанные с основными цветами природных явлений. Среди цветковых слов преобладает синий цвет – цвет неба, цвет церковного купола. К цветовому ряду синего цвета примыкают такие определения, как *голубой, сиреневый*, а также имена *синь, синева*. Золотой – синий – зеленый у Николая Клюева передают не только колорит родного поэту северного края, но и цветовую гамму православной иконы. Исследователь В. Лепяхин анализирует цветоименования в произведениях Есенина и находит, что в его творчестве синий цвет «приобретает глубокое символическое значение – это несказанное, божественное, а вместе с тем – нежное, душевное, родное, человеческое» [Лепяхин 2004].

Доминантная парадигма ОЦЕНКА в стихотворениях С. Есенина полифункциональна. Она либо сливается с другими парадигмами, либо взаимосвязана с ними, либо, функционируя самостоятельно, является одним из признаков концептуальности текста (например, стихотворение «Песнь о хлебе»). В стихотворениях о животных оценочная парадигма «формирует в сознании читателей ту эмоциональную почву, которая в более поздних стихотворениях трансформируется в атмосферу надрыва» [Степанченко 1991: 111] – «Корова», «Лисица», «Песнь о собаке». В состав есенинской оценочной парадигмы включены имена и глаголы, причем количество глагольных форм и имен является равным. В парадигме ОЦЕНКА процессуальность как характеристика глагола включает в себя значения физического и душевного состояния лирического героя (*излюбили, полюбил*), изменение состояния (*поблекли, промокли*) и деятельность органов чувств (*не гляди*). Присущие глаголу грамматические категории времени, залога, наклонения показывают характер протекания действия во времени, показывают действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый и т.д., например: *бил, скуля, бросят камень в смех, покатались глаза собачьи, сердце шепчет, я с собой не покончу, пришел на землю, чтоб скорей ее покинуть* и т.п. В есенинской оценочной парадигме функционируют глаголы во всех временах, что свидетельствует о том, что автор отображает события, мысли, чувства во всех временных пластах.

Практически все имена, входящие в состав парадигмы, имеют негативные коннотации: *жестокость, людоедка, яд, рана, хмурый, дряхлая, петля на шее, сердца просты, стерва, темь и жуть, в душе печаль* и т. п., свидетельствующие об угнетенном душевном состоянии лирического героя. В последнем стихотворении С. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья» (1925) антиномия «окончательно снята, разрешена в пользу кончины» [Степанченко 1991: 122].

В отличие от есенинской, ключевская парадигма ОЦЕНКА содержит большое количество сравнений, выраженных именем в творительном падеже (*ручьями полесными, брагою, веткою*), сравнительной степенью имени прилагательного (*пушистее кудели, слаще девичьих бус*), словом-заменителем (*море, кит, не село*), а также при помощи сравнительного союза *как* (*как смерть, как невод*), который является одним из факторов, облегчающих восприятие сравнения как средства взаимосвязи парадигм. Сравнения выполняют в тексте двоякую функцию: «усилительную ... и функцию оценочной характеристики, поскольку через сравнение поэт выражает свое отношение к предмету мысли. Таким образом, в сравнениях реализуется одновременно и эмоциональность, связанная с образным потенциалом сравнения, и модальность, обусловленная авторской оценкой называемого» [Очерки истории языка русской поэзии XX века 1995: 114]. Об этом же пишет А.И. Федоров: «Сравнение обладает модальностью, оно не нейтрально: в нем передается авторское отношение к изображаемому, его чувство. И вместе с тем ассоциации, которые возникают при восприятии сравнений, говорят значительно больше, чем простое, логически расчлененное описание» [Фёдоров 1985: 60]. И действительно, ключевские сравнения далеко не нейтральны – именно в сравнениях проявляется весь Клюев: и неистовый радетель природы, и внимательный ее наблюдатель, и непримиримый борец за нее, и ее глубокий знаток. В оценочной парадигме Н. Клюева нет ни одного глагола, что свидетельствует о приоритете предметности: в ее составе имена, обозначающие сущности природного мира. Сравнение дает возможность глубже постичь сущность исследуемых явлений реального мира [Микешин 1985: 29]. Частотное использование сравнений для расстановки авторских акцентов в творчестве Н. Клюева является чертой его идиостиля.

Сопоставительный анализ парадигмы ЛЮБИМАЯ в стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина показал принципиальную разницу как в ее составе, так и в выполняемых ею функциях. Есенинская парадигма ЛЮБИМАЯ включает в свой состав лексику, описывающую конкретную женщину, например, *пошла коня, лукавая улыбка, молодая красивая дрянь, сука, простыня, любовь-зараза*. Преобладание отрицательнооценочных характеристик демонстрирует противоречивую оценку женщины самим лирическим героем, как уже указывалось выше. Использование бранной и вульгарной лексики в парадигме ЛЮБИМАЯ создает атмосферу надрыва, свойственную для идиостиля С. Есенина.

В научных исследованиях творчества Н. Клюева высказывается мнение о том, что «женские персонажи вообще редкость в поэзии Клюева», а «женское начало, как правило, трансформировано в иные явления женского рода: Россия-мать, мать-изба, мать-суббота, жизнь-праматерь, мать-земля, мать-природа, мать-печь, мать-дуброва». В таком утверждении много справедливого, хотя исследования последних лет показывают обратное. И все-таки превалирующей ипостасью образа любимой в творчестве Клюева выступает ипостась не конкретной земной женщины, крестьянки, а некий собирательный образ женщины. «Женские образы в поэзии Н. Клюева достаточно значимы, женские имена (Прасковья, Настенька, Дарья, Маланья, Арина, Лукерья и др.) – ключевые для творчества поэта. В то же время женщина в поэзии Клюева часто собирательный, предельно обобщенный образ. Используемые поэтом имена реальных женских прототипов подвергаются в текстах поэта метафоризации, новому образному осмыслению, приобретают символическое звучание» [Смольников 2006: 172]. Клюевская парадигма ЛЮБИМАЯ состоит из лексики, характеризующей абстрактный собирательный образ женщины-любимой, но более женщины-матери, которую лирический герой любит не земной чувственной любовью, а обожествленной любовью: например, стихотворение «Посмотри, какие тени»: *у тебя глаза, как свечи / в полусумраке часовни*; стихотворение «Холодное, как смерть, равниной бездыханной»: *избушка ветхая на выселке угрюмом / тебя, изгнанницу святую, приютит...*

Парадигма РЕЛИГИЯ в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева примерно одинакова по количественному составу (14 и 10 лексем соответственно), но совершенно различна по качественному. В есенинской религиозной парадигме функционируют исключительно имена, выполняющие функцию соотнесения с потусторонним миром (*нездешние, бег светил* (звезд. – *О.П.*), *рок, немая тьма, бездна, покой, тихая тайна*), а также функцию подкрепления стороны антиномии ЖИЗНЬ (*обедня, кадящие, свеча, воск, панихидный*). В клюевской религиозной парадигме функционируют как имена, так и глаголы. Функцию наименований объекта любви лирического героя выполняют следующие слова: *кладбищенской сторожки, дальний звон, с крестиками, заклатья*, введенная в повествование – своеобразное признание в любви – словами Я ЛЮБЛЮ («Я люблю цыганские кочевья»). Автор перечисляет вещи, занимающие важное место в его миропонимании. Функцию подкрепления мысли о том, что природа – это храм на земле, выполняют слова: *посохом, рясой, припасть, помолиться, вечера, прозрев: я не с железом к вам иду, / дружась лишь с посохом да рясой, / но чтоб припасть в слезах, в бреду / к ногам березы седовласой. / чтоб помолиться лику ив, / послушать пташек-клирошанок... / как сладко брагою лучей / на вашей вечера упиться, / прозрев, что веткою в ручей / душа родимая глядиться!* («Не в смерть, а в жизнь введи меня») Кроме имен, выполняющих назывную функцию, автор использует и глаголы, обозначающие действие или состояние как процесс. Таким образом,

парадигма РЕЛИГИЯ в произведениях С. Есенина и Н. Клюева многофункциональна и разнофункциональна. Наличие только имен в парадигме С. Есенина свидетельствует о ее назывном характере, придающем ей черты некоторой статичности. Глаголы в клюевской парадигме придают ей черты динамичности, активности.

Главное отличие клюевской парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ от есенинской в стихотворениях данного блока – это характер лексики, входящей в состав парадигмы. У Н. Клюева – это лексемы, характеризующие лирического героя, например: *мне 25, паренек, подбородок, бровь, усов, я пригож, пальцев хруст, одинокого меня, мои рыдания*. Проективность клюевской парадигмы ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ обеспечивают имена. У С. Есенина же парадигму составляют слова и выражения с концептуальной нагрузкой: *ничего не оставлю никому, захлебнуться бы в этом угаре, искал счастья, а гибель нашел; рук роковой размах*. Ее функции различны: в одном случае парадигма соотносит другие парадигмы, то есть является средством их взаимосвязи, в другом случае – парадигма является признаком концептуальности текста, а в третьем – она присутствует как выражение отношения к смерти. Таким образом, парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в стихотворениях Н. Клюева включает лексику, характеризующую портрет лирического героя, есенинская же парадигма состоит из лексики, характеризующей внутреннее состояние лирического героя.

Итак, рассмотрев состав и функционирование основных парадигм, реализующих антиномию ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в произведениях Н. Клюева, и сравнив их с соответствующими параметрами есенинских парадигм, можно сделать следующие выводы: центральной парадигмой в стихотворениях С. Есенина является парадигма ОЦЕНКА, в стихотворениях Н. Клюева две основные парадигмы – ОЦЕНКА и ПРИРОДА. В составе основных лексических парадигм, реализующих антиномию ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина, сходства не наблюдается. Лексика, входящая в состав парадигм, различается и по количественному, и по качественному признаку. Состав парадигм, формирующих есенинскую и клюевскую антиномию, является довольно разнообразным, что свидетельствует о богатой поэтической ткани произведений, различной во многом у обоих поэтов.

Природная парадигма в стихотворениях обоих поэтов различается по составу. В клюевской парадигме ПРИРОДА функционирует лексика, отображающая реалии дикой лесной природы, в есенинской парадигме – реалии природы, находящейся ближе к миру человека. Эта же черта присуща и зоонимам, входящим в состав природной парадигмы: у Н. Клюева в стихотворениях героями являются только лесные звери и птицы, тогда как у С. Есенина – только домашние животные. В стихотворениях обоих поэтов природная парадигма разнофункциональна.

Парадигма ОЦЕНКА в стихотворениях С. Есенина выполняет более разнообразные функции, чем в произведениях Н. Клюева, и придает текстам концептуальный характер: сливается с другими парадигмами, либо

взаимодействует с ними, является признаком концептуальности текста, формирует эмоциональную почву для атмосферы надрыва, присущей есенинскому идиостилю.

Есенинская парадигма ЛЮБИМАЯ описывает конкретную земную женщину, тогда как у Н. Клюева это – абстрактный образ святой женщины. Это объясняется тем, что женщина как поэтический образ занимает принципиально разное место в структуре поэтического мира обоих поэтов: женщина как конкретный образ у С. Есенина и женственность как первооснова всего сущего у Н. Клюева.

Парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ в стихотворениях Н. Клюева включает лексику, характеризующую портрет лирического героя, есенинская парадигма ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ состоит из лексики, определяющей внутреннее состояние лирического героя.

Литература

1. Базанов В.Г. Друзья-недрузи. (Сергей Есенин и Николай Клюев) / В.Г. Базанов // Север. – 1981. – № 9. – С. 95-119.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / В. Гумбольдт. – СПб, 1859. – 366 с.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры: Пер. с нем. / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
5. Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / В.А. Гуреев // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 57-67.
6. Доманский В. А. Нарым (Клюев в Сибири): Поэма и очерк / В.А. Доманский. – Томск: 2003. – 62 с.
7. Захаров А.Н. Контуры поэтического мира Николая Клюева / А.Н. Захаров // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М.: Наследие, 1997. – С. 102-118.
8. Киселёва Л.А. Есенинское слово в текстах Николая Клюева / Л.А. Киселева // Canad.-Amer. Slavic studies = Rev. canad. d'Etudes slaves. Irvine (Cal.), 1998.— Vol. 32. № 1-4.— P. 75-92.
9. Киселева Л.А. Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / Л.А. Киселева // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М.: Наследие, 1997. – С. 183-198.
10. Кравченко Т. Наследие комет: неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре / Т. Кравченко, А. Михайлов. – М.: Территория, 2006. – 301 с.
11. Куняев С. Ю. Жизнь и смерть поэта (о судьбе Алексея Ганина) / .Ю. Куняев // Вопросы литературы. - 1990. - № 6. – С. 140-154.
12. Куняев Ст. Сергей Есенин / Ст. Куняев. – М.: Мол. Гвардия, М.: 2007. – 656 с.

13. Лепяхин В. Цветонаименование в русских частотных словарях и в произведениях Лермонтова и Есенина / В. Лепяхин // Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Akademia press, 2004. – S. 69.
14. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1967. – 372 с.
15. Маркова Е.И. Образ Купины в прозе Н. Клюева и С. Клычкова / Е.И.Маркова // Жизнь и творчество Сергея Антоновича Клычкова (1889–1937). Международ. науч.-литер. чтения. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2009. – С. 32–33.
16. Маркова Е.И. Певец потаённой России. Интервью / Е.И. Маркова // Север. - № 9+10. – Петрозаводск, 2009. – С. 95–100.
17. Маркова Е.И. Полемика Николая Клюева и Сергея Есенина в свете калевальского сюжета о состязании певцов / Е.И. Маркова // Сергей Есенин и мировая культуры. М.–Константиново–Рязань, 2008. С. 245–253.
18. Микешин А.М. Исторические судьбы революционного романтизма в русской поэзии эпохи Октября: Учебное пособие / А.М. Микешин. – М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1985. – С. 42-76.
19. Морозов П.А. Языковые единицы в художественном тексте / П.А. Морозов, О.А. Семенюк. – Кировоград, 1996. – 148 с.
20. «Николай Клюев. Словесное древо». (Сост. В. Гарнин). СПб.: Росток, 2003. – 688 с.
21. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / Под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1995. – 263 с.
22. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 358 с.
23. Перцов В.О. «Внутренняя распря» Есенина с Клюевым» / В.О. Перцов // От свидетеля счастливого. – М.: Современник, 1977. – С. 250-274.
24. Потенбня А.А. Собр. трудов: Мысли и язык / А.А. Потенбня // Сост. Ю.С. Рассказов, О.А. Сычев. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
25. Правдин М.Н. Анализ содержательной структуры текста / М.Н. Правдин // Сб. научн. трудов / МГНИИЯ им. М. Тореца. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 91-102.
26. Розанов И.Н. Есенин и его спутники / И.Н. Розанов // Есенин: Жизнь. Личность. Творчество. – М., 1926. – 149 с.
27. Розанов И.Н. Крестьянские поэты / И. Н. Розанов. – М., 1927. – 84 с.
28. Савченко Т.К. Сергей Есенин и его окружение: Литературно-творческие связи. Взаимовлияния. Типология: Дис... д-ра фил. наук: 10.10.02. – М., 1991. – 546 с.
29. Семенова С.Г. Поэт «поддонной» России (религиозно-философские мотивы творчества Николая Клюева) / С.Г. Семенова // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М.: Наследие, 1997. – С. 21-53.

30. Солнцева Н.М. Есенин и Клычков / Н.М. Солнцева // Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. – Москва - Рязань, 2009 – С. 240-255.
31. Солнцева Н.М. Сергей Есенин / Н.М. Солнцева. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 80 с.
32. Солнцева Н.М. Странный эрос: Интимные мотивы поэзии Николая Клюева / Н.М. Солнцева. – М.: Эллис Лак, 2000. – 128 с.
33. Смольников С. Н. На золотом пороге немеркнувших времен: поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева / С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич. – Вологда: Русь. 2006. – 262 с.
34. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина: анализ лексики / И.И. Степанченко. – Харьков: ХГПИ, 1991. – 189 с.
35. Субботин С.И. «Слышу твою душу...»: Николай Клюев о Сергее Есенине // В мире Есенина: Сб. ст. / Сост. А.А. Михайлов, С.С. Лесневский. – М.: Сов. писатель, 1986. – С. 506-522.
36. Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в заруб. лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии / Под ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250-299.
37. Федоров А.И. Образная речь / А.И. Федоров. – Новосибирск: Наука, Сибирск. отд-ние, 1985. – 117 с.
38. «Я певец славянский Клюев...»: Клюев. Заонежье. Крестьянская цивилизация: Сб. материалов к Всероссийскому празднику поэзии Николая Клюева. — Петрозаводск: КРОО «Театр поэзии КРЕДО», 2010. — 104 с.
39. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной / М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 1990. – 300 с.
40. XXI век на пути к Клюеву: материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», посвящённой 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Клюева, 21-25 сентября 2004 г. / Сост. и науч. ред. Е. И. Маркова. Петрозаводск: 2006. 371 с.